

ПЕРЕВОД С РУССКОГО НА НОВЫЙ РУССКИЙ

Стоит ли возмущаться, когда молодежь употребляет слово «воркаут» вместо «зарядка»? Задерживаются ли в нашем языке слова «на хайпе»? Как допускаемые нами на Тотальном диктante ошибки помогают следующим поколениям школьников? Об этом и чуть больше рассказала Светлана Викторовна Друговейко–Должанская – член Совета по русскому языку при Президенте РФ, член Орфографической комиссии РАН, член Совета по культуре речи при губернаторе Санкт–Петербурга, член экспертной комиссии международной образовательной акции «Тотальный диктант», преподаватель филологического факультета СПбГУ.

– Недавно информационный портал «Медуза» опубликовал игру «Перевод с русского на новый русский». Там были такие слова, как «шопер», «брашинг», «тайтсы», «сквоты». Действительно ли так много людей использует новояз? Противиться тому, что язык развивается, глупо, но могут ли такие заимствования считаться развитием языка?

– Конечно, заимствованные слова – это один из источников обогащения языка. Если мы попробуем посчитать, сколько в русском языке даже не собственно русских, а славянских слов, то довольно грустные цифры получим. Ведь какой–нибудь «сундук» – это тоже заимствование, только очень давнее, и появление этого слова объяснимо языковыми контактами. Заимствованные слова появляются в первую очередь тогда, когда мы заимствуем саму реалию – предмет или явление, с которыми раньше были не знакомы. Яркий пример – это эпоха Петра I. Через то самое «окно в Европу» к нам много чего

хлынуло, в том числе и слова. Взять тот же «бутерброд». Не было в России такого блюда, как хлеб, намазанный маслом, потому его никак не называли. По его внутренней форме мы понимаем, что слово «бутерброд» заимствованное, и даже понимаем, что оно немецкое, но оно совершенно у нас прижилось, и никто не пытается его заименить. Прошло два века, и в русском языке появился «сэндвич», но он называется другое блюдо: там два кусочка хлеба, а масла может и вовсе не быть. Заимствования нужны, как и любые термины, для того, чтобы уточнять разные виды предметов. Еще один пример: «варенье» и «джем». Оба этих слова нам нужны? Да, конечно. Потому что варенье – это кушанье из сваренных фруктов, в котором есть цельные ягоды, а в джеме они растерты в однородную массу. А вот слово «конфитюр», которое означает ровно то же самое, что и «джем», и было заимствовано из французского языка гораздо раньше, по степени уходит, поскольку влияние английского языка

сегодня гораздо сильнее. Слова приживаются в нашем языке только в том случае, если остаются предметами и реалиями, которые они называют; если наш язык принимает эти слова, то есть начинает их склонять, образовывать от них одно–коренные, и если внутренняя форма слов не режет слух. Есть такая версия, что классическая латынь и умерла именно потому, что не впускала в себя никаких заимствованных слов, не развивалась.

– Вы представитель экспертного сообщества, активный пользователь фейсбука и просто преподаватель, который много общается со студентами. Отмечаете ли Вы для себя, прижились ли какие–то слова и выражения, которые, так скажем, были «на хайпе» в свое время?

– Наверняка таких слов множество, хотя я, признаться, никогда их специально не отслеживала. Если говорить не о заимствованиях, то могу привести в пример одно слово, которое сегодня

активно используется, хотя сама я никогда его не произнесу. В нашем городе есть район под названием «Петроградская сторона». Сейчас его называют «Петроградка». Как человек старшего (увы!) поколения могу точно сказать, что это слово возникло во второй половине 90–х годов. Никто и никогда в городе Ленинграде этот район так не называл. Васильевский остров («Васькой») в студенческой среде все–таки изредка именовали, а Петроградскую сторону Петроградкой – нет. Это типично московское словечко, там такая модель городской топонимики более распространена: Варварка, Ильинка, Знаменка, Лужанка. У нас это название появилось после телевизионных реклам московских риэлторов, которые предлагали квартиры в новых домах «на Петроградке». Как лингвист(и, надеюсь, здравомыслящий) я понимаю, почему такое слово появилось, и могу оценить его как закономерное и жизнеспособное, но как человек определенной среды и определенного воз–

раста принять его полностью не могу. Иначе говоря, для меня это в некоторой степени слово–маркер: услышав «Петроградка» из уст молодого человека, я несколько не удивлюсь, но если его произнесет мой ровесник, я мгновенно пойму, что он не коренной ленинградец.

– В альтернативных версиях Тотального диктанта всегда уйма фантастических ошибок (прим. – альтернативные версии Тотального диктанта ежегодно составляются Светланой Друговейко–Должанской на основе обнаруженных проверяющими самых смешных ослышек участников акции по всей России). Были ли среди них очень частотные или все индивидуально?

– Текст «от Евы Даласкиной» составлен в основном из редких, фактически единичных ослысок/ослышек. Но конечно, есть и ошибки довольно частотные. В нынешнем году меня поразило, как писали слово «коленца». Были десятки вариантов: и

«поленца», и «комменсы», и «колленссы», и «кальянсы». Это симптоматично, то есть показывает, что слово «коленца» не входит ни в активный, ни даже в пассивный словарный запас очень многих говорящих по–русски. Они его не видели, не слышали, и потому не способны его опознать. Хотя это совершенно русское слово.

– С филологической точки зрения представляется ли для Вас работа в качестве члена экспертной комиссии Тотального диктанта интерес? Какие выводы может сделать для себя проверяющий Тотального диктанта после нескольких лет проведения акции?

– Разумеется! После каждого Тотального диктанта составляется сборник научных трудов («#ТОТ–СБОРНИК»), в статьях которого филологи на основе проверенных текстов вступают в профессиональную дискуссию, уточняют правила орфографии и пунктуации. Учитывая, что существует онлайн–диктант, не нужно никаких особенных технических навыков, чтобы выстроить в дальнейшем карту ошибок. Так, например, в этом году словосочетание «остро заточенный» в 50% случаев было написано слитно. Это позволяет понять, что правила слитного и раздельного написания недостаточно усвоены пишущими, а следовательно, недостаточно хорошо объясняются в справочниках, плохо отрабатываются в школе.

– Кстати о школе. Ведь школьная программа по русскому языку не охватывает и половины тех правил, которые есть в русском языке. Обращают ли на это внимание в экспертном сообществе?

– В принципе школьное образование в любой области призвано заложить лишь основы. Эта база позволяет человеку развиваться дальше. Задача школьного курса грамотности состоит в том, чтобы человек усвоил принципы орфографии и пунктуации. Эти знания помогают пишущему решать орфографические и пунктуационные задачи. Допустим, мне необходимо написать слово «констанцкий». Если пы–

таться изобразить буквами звуки, составляющие это прилагательное, то его можно написать десятками разных способов. А чтобы выбрать орфографически верный вариант, нужно вспомнить про базовый – морфологический – принцип орфографии, который диктует, что при написании любого слова мы должны в неизменности сохранять его морфемы. Соответственно, пишущий должен определить, что «констанцкий» образовано от топонима «Констанца» – это город в Румынии. Значит, корень «–констанц–» необходимо изобразить таким же, не изменив ни одного штриха. Далее пишущий должен вспомнить, что прилагательные от географических названий образуются при помощи суффикса «–ск»: «Париж – парижский», «Москва – московский». На этом задача решена: найден единственный верный вариант написания, а найти его помогла та база, которая заложена на уроках русского языка в школе. То есть в первую очередь школьник должен твердо усвоить принципы, на которые, как бусины на нитку, нанизаны отдельные правила орфографии и пунктуации. И еще, разумеется, – представление о вариативности русской пунктуации. От пунктуации очень сильно зависит смысл высказывания, и чтобы пишущий мог адекватно передать читающему, что именно он имеет в виду, одними запятыми, как правило, не обойдешься.

– Поможет ли введение устной части в ЕГЭ по русскому языку повысить грамотность наших школьников?

– Думая о ЕГЭ, я всегда вспоминаю, что говорил Черчилль про демократию: «Демократия – наихудшая из всех возможных государственных систем, но ничего лучше человечество еще не придумало». Так же можно оценить и ЕГЭ – лучше еще ничего не придумано. Полагаю, что не за горами тот день, когда методисты будут искать новые способы аттестации. Почему? ЕГЭ понадобился как замена выпускному сочинению, ведь книжный рынок в то время был завален образцами сочинений и всевозможных шпаргалок, уже появлялись гаджеты.

То есть на выпускном экзамене многие школьники просто–напросто воспроизводили чужие тексты, а не писали их самостоятельно. Однако спустя два десятилетия мы столкнулись с той же проблемой: учителя и репетиторы преподают орфографию «натаскивать» на часть С экзамена по русскому языку. Казалось бы, для того, чтобы написать эссе, ты должен понять проблему, вспомнить литературные тексты, которые посвящены тем же вопросам, сформулировать грамотно свои мысли... Поскольку я общаюсь с нынешними старшеклассниками, то знакома уже со множеством разнообразных пособий по подготовке к ЕГЭ, в которых перечислены возможные темы эссе, приведены подробные таблицы с аргументами, способными помочь при написании сочинения и т.п. Что касается устной части, мне думается, какое–то время это будет работать. Все–таки монологическая речь пока вызывает уровень владения языком, но опять–таки – до того момента, пока дети не будут знать заранее список тем, структуры монологов, аргументы.

– Каким Вам видится оптимальное преподавание русского языка в школе? Может быть, нужны какие–то иные учебники или подходы?

– Не открою ничего сенсационного, заметив, что учебники должны быть интересными. Сейчас мы с коллегами, преподавателями СПбГУ и РГПУ им. А.И. Герцена, вдохновленные идеей Сергея Игоревича Богданова о необходимости принципиально новых школьных пособий, заканчиваем работу над линейкой учебников русского языка (5–11 классы). И мы придумали так, что в каждом классе (с 5 по 9) язык изучается сквозь призму какой–либо метафоры, то есть каждый год обучения предлагает школьникам взглянуть на уже знакомые им языковые явления в новом ракурсе. В 5 классе такая сквозная тема – «Язык и мир»; в 6 классе – «Внутреннее устройство языка»; в 7 – «Развитие языка»; в 8 – «Русский язык и языки мира»; в 9 классе – «Язык и общество. Язык и человек». Например, тема «Вну–

треннее устройство языка» (это 6 класс, потому что именно к 12 годам у ребенка формируется абстрактно–логическое мышление) предлагает взглянуть на язык как на систему, то есть увидеть взаимосвязь между языковыми единицами, оценить их иерархию. Поэтому и структура задания провоцирует вызвать к жизни те навыки, которые эти системные связи могут восстановить: это таблицы, кроссворды, установление соответствий. Если в 6 классе язык предстает перед учащимися как статичная система, то в дальнейшем важно показать изменчивость языка, способность его к саморазвитию. Поэтому основной в курсе русского языка в 7 классе становится мысль о постепенном и постоянном развитии языка. Тема 9 класса с ее сквозными метафорами «Язык – визитная карточка человека; язык – оружие и оружие; язык – стена, за которую можно спрятаться» помогает объяснить роль языка в жизни общества и каждого конкретного человека.

Увы, такой подход не легко увязать с государственным стандартом, но мы стараемся учитывать и его требования. Наши учебники были апробированы в школах Петербурга, Ленинградской области, Таджикистана и в образовательном центре «Сириус». В «Сириусе» рецензированию этой линейки пособий была посвящена отдельная смена, и школьники предложили несколько новых и интересных вариантов продолжения и развития нашей идеи.

Снежана МАЖЕКЕНОВА,
корреспондент «ПВ»